

А.С. Кручинин, Москва

НАГРАДНЫЕ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВИЗНА

Наградная система каждого государства представляет собою одну из важнейших составляющих всего его бытия, подчеркивая духовные основы, свидетельствуя о принятой системе ценностей, отражая, да в значительной степени и формируя иерархическую структуру общества; отсюда естественно следует вывод о неразрывной связи наградной системы с формами и существом государственного строя и о том, что глобальные перемены, изменяющие смысл и характер всех компонент государственности, с неизбежностью должны не просто отражаться на наградной системе, но и вообще упразднить старую, предлагая на ее место нечто иное.

Неоспоримое в его отвлеченном, теоретическом смысле, это положение, однако, как будто теряет свою определенность применительно к русской истории XX в.: «...История отечественных наградных знаков отличия, — читаем сегодня в учебнике по фалеристике, — делится на три основных раздела: русский (XI в. — 1917 г.), советский (1918–1991 гг.), современной России (1992 г. — настоящее время). Кроме этого, в качестве особого раздела необходимо выделить фалеронимы (имеются в виду награды. — А. К.) белого движения эпохи Гражданской войны, а также русской эмиграции»⁸⁶. При этом проблемой становится не только аморфное «кроме этого», недопустимое в любом классифицировании; в приведенной трактовке понятие «отечества» лишено духовного смысла и подменено картиной механической смены властей и государств на одном и том же географическом пространстве. В действительности же трагические события в России начала XX в. подразумевали не просто изменение строя или формы правления, а, по горделивому высказыванию вождя большевиков, «составили содержание» «начавшейся теперь новой эпохи всемирной истории»⁸⁷. После этого формально выстраиваемая последовательность наградных систем Российской Империи и Советской Республики окончательно теряет смысл: наградная практика, к которой вынуждены были обратиться большевики, несла не национально-государственные российские, а «общие», принципиальные для большинства фалеристических систем черты (и те — со значительными новшествами). Потерпев неудачу в своих первоначаль-

⁸⁶ Бурков В. Г. Фалеристика: Учебное пособие / РГГУ. М., 1999. С. 33.

⁸⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 41. М., 1963. С. 425.

ных «всемирно-революционных» планах, Советская власть вместе с общими формами государственного управления усваивала и наградную составляющую последних, не становясь от этого более «национальной» или претендующей на «преемственность» от низвергнутого ею строя. Гораздо оправданнее звучит утверждение о том, что к «дореволюционной российской [наградной системе], просуществовавшей на территории России до марта 1917 года», «можно условно отнести награды Белого движения времен Гражданской войны и знаки отличия русской эмиграции»⁸⁸, хотя и здесь степень «условности» должна стать предметом самостоятельного обсуждения.

Для этого необходимо рассмотреть в первую очередь перемены, произошедшие в государственном устройстве России в течение 1917 г. Актом 2 марта Император Николай II отрекся от Престола в пользу Великого Князя Михаила Александровича, но бурное развитие событий привело к появлению Акта 3 марта, которым Великий Князь откладывал решение о восшествии на трон до Учредительного Собрания; единственной же властью при этом оставалось Временное Правительство, «по почину Государственной Думы возникшее и облеченное всей полнотою власти»⁸⁹. Этот документ был впоследствии назван современником «единственным актом (разрядка первоисточника. — А. К.), определившим объем власти Вр[еменного] Правительства и вместе с тем решившим вопрос о формах его функционирования»: «считалось установленным, что Вр[еменному] Правительству принадлежит в полном объеме и законодательная власть (наряду с исполнительной, как кабинету министров. — А. К.)»⁹⁰.

Применительно к наградной системе это означало следующее. До Февральской революции ее возглавление устанавливалось «Учреждением орденов и других знаков отличия»: «Верховный начальник или Гроссмейстер всех Российских Орденов есть Император и Самодержец Всероссийский. Никто иной не может оным быть или именоваться сим названием, которое, со всеми его правами, нераздельно со священным Императорским саном»⁹¹. Принимая последовательность передачи Верховной Власти в государстве от Императора Николая II к Великому Князю Михаилу, а от того — к Временному Правительству, мы оказываемся перед уродливой картиной многоглавого «Гроссмейстера», чья гротескность смягчается

⁸⁸ Пчелов Е. В. Наградная система современной России: возвращение традиций или эклектика? // Вестник Русского Фалеристического Общества. [СПб.], 2001. № 1. С. 29.

⁸⁹ Цит. по факсимильному воспроизведению в: Сокровища России. Вып. 12. СПб., 1998. С. 9.

⁹⁰ Набоков В. Д. Временное Правительство // Архив Русской Революции, издаваемый И. В. Гессеном. [Т.] 1. [Берлин], [192-]. С. 21.

⁹¹ Свод Законов Российской Империи. Кн. 1. СПб., 1912. С. 320.

лишь тем, что просуществовать она должна была не более Учредительного Собрания, которое установило бы как форму правления, так и новые Основные Законы; «до тех пор, — справедливо указывают современные авторы, — вся полнота власти, включая права верховного начальника Российских кавалерских орденов, должна была находиться в руках Временного Правительства, что позволяло им (Правительству. — А. К.) продолжать пожалования в кавалеры этих орденов»⁹².

Однако свое «временное» положение «временные» употребили во зло, с первых же дней избрав путь узурпации. Закономерным финалом этого оказался «незамеченный» сентябрьский государственный переворот, последовавший за конфликтом между тогдашним Министром-Председателем А. Ф. Керенским и Верховным Главнокомандующим генералом Л. Г. Корниловым и острейшим правительственным кризисом: на фоне отставки большинства кабинета было сделано заявление о *смене формы правления*. Видный политик и историк П. Н. Милюков прокомментировал «Акт 2 сентября»: «...“Считая нужным положить предел внешней неопределенности государственного строя, памятуя единодушное и восторженное признание республиканской идеи, которое сказалось на московском государственном совещании, временное правительство”, — в момент, когда, в сущности, оно формально не существовало и вся власть передана была Керенскому, — объявляло, “что государственный порядок, которым управляется Российское государство, есть порядок республиканский”, и провозглашало Российскую республику»⁹³. Таким образом была узурпирована важнейшая функция Учредительного Собрания, а само оно, избираемое уже в условиях *предрешения* форм будущей государственности, не может почитаться сколько-нибудь серьезным органом. И именно в сентябре, а вовсе не «в связи с отсутствием легитимной передачи власти в октябре 1917 года»⁹⁴ и даже не после роспуска Советской властью созванного было 5 января 1918 г. Учредительного Собрания, оборвалась история российской наградной системы, — по современной формулировке, «должность верховного начальника Российских кавалерских орденов со всеми его правами стала вакантной»⁹⁵.

Была ли эта система возрождена в ходе антибольшевицкой борьбы и в какой мере? Прежде всего следует заметить, что первые попытки «юридического» оформления ведущей борьбу военной власти относятся к достаточно позднему периоду — концу лета — началу осени 1918 г., до этого же дело ограничивалось лишь декларациями о целях войны. Причина кр-

⁹² Заявления участников Первых Андреевских чтений по фалеристике // Вестник Русского Фалеристического Общества. 2001. № 1. С. 9.

⁹³ Милюков П. Н. История второй русской революции. Т. 1. Вып. 3. София, 1924. С. 24.

⁹⁴ Заявления участников Первых Андреевских чтений... С. 9.

⁹⁵ Там же.

лась в принципиально-«непредрешенческом» характере Белого движения, побуждавшем его руководителей долгое время избегать даже внешних форм государственного устройства, принятие которых могло бы вызвать подозрения в узурпаторских намерениях. Однако в это же время мы видим на Юге России и возобновление награждений старыми Орденами, причем на основаниях более чем спорных.

При избрании в мае 1918 г. Донским Атаманом генерала П. Н. Краснова были приняты войсковые флаг, гимн и герб, должностующие знаменовать появление на политической карте нового государственного образования. В разговоре с Командующим Добровольческой Армией 15/28 мая «Атаман дал понять генералу Деникину, что он уже более не бригадный генерал, [...] но представитель пятимиллионного свободного народа»⁹⁶, и в дальнейшем не упускал случая подчеркнуть государственную самостоятельность возглавляемого им Дона. При этом естественным было бы учреждение собственной наградной системы, и такие идеи носились в воздухе; Основными Законами Всевеликого Войска Донского Атаману присваивались prerogatives чиновпроизводства и награждений, с формулировкой «назначает [...] награды»⁹⁷, чем в принципе открывался путь к решению «наградного вопроса»; но «царский генерал» Краснов предпочел иной путь, приступив к пожалованию Российских Императорских и Царских Орденов. Ложное положение, в котором оказался глава Войска, великолепно иллюстрировалось уродливыми случаями первых же награждений, сделанных им.

После сравнительно многочисленных производств за боевые заслуги в следующие чины и звания, в майских приказах 1918 г. Всевеликому Войску Донскому начинают встречаться и удостоенные знаками отличия, причем первые известные нам повергают в недоумение, ибо приказ черным по белому вещает о награждении нижних чинов... «орденом (sic! — А. К.) Св[ятого] Георгия и Георгиевскими медалями» (14/27 мая)⁹⁸, что представляет собою оговорку, казалось бы, немыслимую для военного человека, и, однако ж, вполне реальную. Еще хуже первый известный нам случай удостоенного Орденом, который заслуживает дословного приведения формулировки: «Награждается за боевые отличия в боях с красновардейцами [—] Новочеркасского казачьего пешего полка студент Смирнов (Николай) [—] орденом Св[ятого] Станислава 3[ей] ст[епени] с мечами и бантом» (16/29 мая)⁹⁹. Разумеется, «студент», пусть даже и «студент казачь-

⁹⁶ Краснов П. Н. Всевеликое Войско Донское // Архив Русской Революции. [Т.] 5: 1922. С. 201.

⁹⁷ Основные законы Всевеликого Войска Донского // Донская Летопись. № 3. [Белград], 1924. С. 323.

⁹⁸ Государственный Архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-102, оп. 1, д. 10, лл. 51а–54.

⁹⁹ Там же. Л. 61 об.

его полка» (сама по себе странная формулировка), никаким чином не является и вообще не определен в своем отношении к воинской службе, по смыслу же приказа ясно, что речь идет о нижнем чине — добровольце (охотнике, вольноопределяющемся), и потому неоправданным было бы уподоблять это удостоверение — пожалованию награды штатскому лицу, не имеющему чина (что допускалось, независимо от сословной принадлежности, для низшей степени Ордена Святого Станислава¹⁰⁰).

Столь скверно начавшаяся наградная практика, однако, быстро вошла в наезженную колею, и почти год спустя преемник Краснова на Атаманском посту, генерал А. П. Богаевский, уже писал Главнокомандующему Вооруженными Силами Юга России, генералу А. И. Деникину: «...Ордена и чины давались широко, в особенности последние, что вызвало справедливый ропот в Армии; я приказал временно прекратить представления к производству, исключая случаев особых боевых подвигов и восстановления старшинства»¹⁰¹. В то же время остались неприкосновенными Орден Святого Георгия и Георгиевское Оружие, чем, собственно, и было вызвано процитированное письмо: «Было бы весьма желательно, — писал Богаевский, — скорее образовать в Екате[ринода]ре (тогдашнее место квартирования Штаба Главнокомандующего. — А. К.) комиссию с участием представителей от Донской Армии для выяснения и согласования всех этих вопросов»¹⁰². Такая комиссия, однако, к этому времени была уже Деникиным создана, и в момент получения письма Главнокомандующий должен был бы озаботиться скорее тем, как... проигнорировать ее заключения, не вступая при этом в конфликт с офицерством.

На обсуждении итогов работы комиссии и общих вопросов наградной практики генерала Деникина мы уже останавливались ранее¹⁰³, здесь же следует обратить внимание на формально-юридическую сторону вопроса. Принципиальная политика непредрешения форм будущего государственного устройства России и, очевидно, инстинктивное нежелание создавать правовые прецеденты, которые впоследствии могли бы оказывать моральное давление на законодателей и устроителей освобожденной страны, заставляли Добровольческое командование долго воздерживаться от оформления законодательной базы движения, и лишь осенью 1918 г. это оформление произошло с утверждением «Временного положения об управлении областями, занимаемыми Добровольческой Армией».

«Вся полнота государственной власти в областях, занимаемых Д[обровольческой] А[рмией], принадлежит В[ерховному] Р[уководителю]

¹⁰⁰ Свод законов... Кн. 1. С. 380.

¹⁰¹ ГА РФ. Ф. Р-102, оп. 1, д. 40, л. 2 об.

¹⁰² Там же. Лл. 2 об.—3.

¹⁰³ Кручинин А. С. К вопросу о награждении российскими императорскими орденами на юге России в годы гражданской войны // Нумизматический сборник ГИМ. Т. 16. М., 2003. С. 328–344.

Д[обровольческой] А[рмии] (Главнокомандующему Д[обровольческой] А[рмией])», — определяла его первая статья¹⁰⁴. Интересно отметить, что в Основных Государственных Законах Российской Империи вообще не употребляется формулировка «полнота государственной власти», а трактуется о «Верховной Самодержавной» власти Императора, «осуществлении» Им «законодательной власти» и «принадлежности» Ему «власти управления во всем ее объеме»¹⁰⁵. Это терминологическое расхождение и, напротив, параллель с формулировкой Акта Великого Князя Михаила как будто отсылает нас (быть может, помимо воли авторов) к правовой ситуации 3 марта 1917 г. (а не к «Сентябрьской» республике и не к Учредительному Собранию образца 5 января 1918 г.): временное пребывание полноты власти в руках явочным порядком выдвинувшихся политиков до изъятия «воли русского народа после освобождения его от рабской неволи и стихийного помешательства»¹⁰⁶. Общая ориентированность «Положения...» на «генеральскую диктатуру» подчеркивается присвоением Верховному Руководителю (Главнокомандующему) ряда Высочайших прерогатив, в том числе и непосредственно относящейся к интересующему нас вопросу — Верховный Руководитель «жалует ордена и другие служебные отличия»¹⁰⁷, — причем формулировка здесь недвусмысленно перекликается с соответствующим местом Основных Законов: «Государь Император жалует титулы, ордена и другие государственные отличия, а также права состояния»¹⁰⁸.

Однако воспринявший «всю полноту власти» после смерти Верховного Руководителя Добровольческой Армии генерала М. В. Алексева генерал Деникин отказался от осуществления значительной части прерогатив в наградной области, предоставленных ему «Временным Положением...», а 30 мая / 12 июня 1919 г. — и объявил о своем подчинении адмиралу А. В. Колчаку «как Верховному Правителю Русского Государства и Верховному Главнокомандующему Русских Армий»¹⁰⁹. Впрочем, юридические основания установившейся в Омске власти Верховного Правителя представляются довольно нечеткими, — может быть, даже в большей степени, чем «военно-походного управления» Юга России.

Колчак пришел к власти в результате правительственного кризиса, причем отношения, в которых новый режим оказывался к старому («Временному Всероссийскому Правительству», или «Директории»), юридически не были конкретизированы, а некоторые официальные документы как

¹⁰⁴ Цит. по: Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Т. 3. Берлин, 1924. С. 267.

¹⁰⁵ Свод Законов... Кн. 1. С. 1.

¹⁰⁶ См: Казанович Б. И. Поездка из Добровольческой армии в «Красную Москву», Май — июль 1918 года // Архив Русской Революции. [Т.] 7. 1922. С. 186.

¹⁰⁷ Цит. по: Деникин А. И. Указ. соч. Т. 3. С. 267.

¹⁰⁸ Свод Законов Российской Империи. Кн. 1. С. 2.

¹⁰⁹ Деникин А. И. Указ. соч. Т. 5. [Берлин], [1926]. С. 98.

будто даже подразумевали преемственность нового режима от предшествовавшего. Сам адмирал писал в частном письме: «По существу, я Верховный Главнокомандующий, принявший на себя функции и Верховной Гражданской Власти, так как для успешной борьбы нельзя отделить последние от функций первого»¹¹⁰, — и, руководствуясь такими настроениями, вряд ли стремился к уточнению формулировок, а они между тем представляются чрезвычайно важными в силу того положения, которое присваивала себе в чреде сменявшихся режимов Директория.

«В непрременную обязанность» Временному Всероссийскому Правительству его «конституцией» («Актом об образовании...») вменялось «представление отчета в своей деятельности Учредительному Собранию (нелегитимному, созыва 5 января 1918 года. — А. К.) [...] и безусловное подчинение Учредительному Собранию как единственной в стране Верховной Власти»¹¹¹: проблема признания или непризнания Учредительного Собрания существующего состава осенью 1918-го формально развела «южный» и «восточный» центры анти-большевицкого сопротивления по разные стороны от даты 5 января 1918 г., фактически же (хотя это не говорилось и вряд ли осознавалось) — от даты 1 сентября 1917 г., знаменующей окончательную смерть легитимной власти в России. Позиция адмирала Колчака по вопросу о будущем народном волеизъявлении до некоторой степени официально определялась его ответом на ноту союзных держав («...Правительство не считает возможным заменить неотъемлемое право законных и свободных выборов восстановлением Учредительного Собрания 1917 г., избрание в которое происходило под большевистским режимом насильно и большая часть членов коего находится ныне в рядах большевиков»¹¹²) и в целом, как было и на Юге, соответствовала Акту 3 марта 1917 г.: налицо противоречие процитированного заявления адмирала с позицией его предшественников, отношение к которым оставалось, однако, до конца не конкретизированным. Все это продолжает свидетельствовать о недостаточной ясной сущности власти, признанной в России верховной, и о юридической зыбкости ее прерогатив, в том числе и в наградном деле. Последнее, однако, не помешало Колчаку проводить свою линию решительно и неуклонно.

В наградной политике Верховному Правителю пришлось фактически идти наперекор тенденциям, победившим на Юге России. В то же время на Востоке ситуация оказалась «зеркальной» по отношению к той, которая

¹¹⁰ Цит. по: Колчак Р. А. Адмирал Колчак, его род и семья // Военно-Исторический Вестник. № 16. [Paris], 1960. С. 18.

¹¹¹ Акт об образовании Всероссийской Верховной Власти 26 [августа] / 8 [сентября] — 10/23 сентября 1918 года // Русский Исторический Архив. Сб. 1. Прага, 1929. С. 248.

¹¹² Россия и союзники: Обмен нотами между Союзными державами и Верховным Правителем России адмиралом Колчаком. Киев, 1919. С. 6–7.

существовала на Юге: в комиссию, рассматривавшую вопрос о награждениях и настаивавшую на отказе от них, вошли те, кто уже был отмечен «белым крестиком» (36 Георгиевских кавалеров), на командных же постах оказались представители «молодого офицерства» (своего рода конфликт «поколений») ¹¹³. Аргументы комиссии, не отличаясь конкретностью (как, например, такой: «награждение орденами теперь, когда состав армии почти исключительно офицерский, даст повод для демагогии» ¹¹⁴), чем-то напоминали звучавшие на Юге соображения, расплывчатые и оставляющие, в сущности, очевидным лишь одно — упорное внутреннее нежелание вернуться к старой наградной системе, которое владеет теми, кто выдвигает эти аргументы.

С приходом к власти адмирала Колчака старая система все-таки была восстановлена, однако с немаловажными оговорками: утвержденные 26 января / 8 февраля 1919 г. «Правила награждения офицеров, военных врачей, военных чиновников, военных священников и солдат орденами и другими знаками отличия» прежде всего привлекают внимание даже не самим фактом этого восстановления и не введением системы ношения орденских ленточек (это было явным новшеством по сравнению с практикой Российской Империи), а теми ограничениями, которые Верховный Правитель накладывает на собственные прерогативы в данной сфере.

Отменив награждения «Георгием с лавровой ветвью» (новшество эпохи Временного Правительства), Колчак возвращается к до-Февральской ситуации, причем столь решительно, что запрещает даже носить полученные ранее награды «с ветвью»; отказавшись от награждений Орденом Святого Станислава — очевидно, как польским по происхождению, — должно быть, делает жест доброй воли по отношению к польским воинским контингентам, находившимся в Сибири; наконец, «восстанавливает награждение»: «а) генералов, штаб- и обер-офицеров орденами Св[ятого] Георгия и Георгиевским оружием, и б) орденами Св[ятого] Владимира до 2-й ст[епени] включительно и Св[ятой] Анны всех 4-х степеней генералов, штаб- и обер-офицеров, военных врачей, военных чиновников и военных священников», а солдат — Георгиевскими Крестами и медалями, знаком отличия Ордена Святой Анны и медалями «За усердие» (опять-таки «за исключением медалей на Станиславских лентах») ¹¹⁵. Таким образом из числа восстановленных исключаются высшие Императорские Ордена — Андрея Первозванного, Александра Невского и Святого Владимира 1-й

¹¹³ См.: *Каревский А. А.* Георгиевские награды антибольшевицкого движения на Востоке России в период лета — осени 1918 г. // *Белая Гвардия.* № 5. М., 2001. С. 102–103; *Герасимов М. Н.* О наградах Императорской армии в Белой Сибири // *Там же.* № 3. 1999/2000. С. 95.

¹¹⁴ *Каревский А. А.* Указ. соч. С. 102.

¹¹⁵ Материалы к истории наградного дела Белого движения 1918–1922 г. г. / Собраны и подготовлены Д. И. Петерсом. Филадельфия. [1991]. С. 21–22.

степени, — достоинства которыми, по-видимому, трактуются как исключительно монаршая прерогатива (сюда же можно отнести и Орден Белого Орла, но он имел польское происхождение и потому должен был скорее находиться в одинаковом положении с Орденом Святого Станислава). Не до конца ясной остается ситуация с высшей степенью Ордена Святого Георгия: по буквальному прочтению текста «Правил» награждения ею как будто можно считать восстановленными, однако при регламентации ношения вместо знаков Орденов — орденских ленточек говорится лишь о IV-й, III-й и II-й степенях (так же, как и о соответствующих степенях Ордена Святого Владимира), причем параграф начинается со слов «если имеются ордена всех степеней (курсив наш. — А. К.)»¹¹⁶; таким образом Орден Святого Георгия I-й степени молчаливо помещается в положение, одинаковое с Орденами, от восстановления которых Верховный Правитель воздержался.

В условиях разобщенности антибольшевицких фронтов адмирал Колчак счел необходимым формально передать своим далеким соратникам необходимые полномочия в наградной сфере, 10/23 июля 1919 г. предоставив право «Главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России, действующими против большевиков на Северном, Северо-Западном и Южном фронтах», «производить в следующие чины и награждать орденами, кроме ордена св[ятого] Станислава, и знаками отличий, согласно существующих законоположений, генералов, офицеров, солдат и классовых чинов вверенных им армий»¹¹⁷. Впрочем, в каждом из перечисленных регионов, кроме, быть может, Северо-Запада, местное Главное Командование уже выработало к тому времени принципы собственной наградной политики, и приказ Верховного Правителя вряд ли в этой ситуации должен был играть определяющую роль. Так, распоряжения Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России свидетельствуют, что Деникин не считал для себя строго-обязательными полученные из Сибири указания, поскольку среди наград, которые жаловались иностранцам, фигурируют Орден Святого Станислава и медаль «За усердие» на Станиславской ленте. В то же время заметим, что список офицерских наград включает Ордена Святого Станислава и Святой Анны лишь III-й и II-й степеней и Святого Владимира IV-й и III-й степеней¹¹⁸, и это может говорить о восприятии Деникиным *принципов* наградной политики Колчака (ограничение собственных прерогатив еще на одну ступень по сравнению с прерогативами Верховного Правителя). Интересно, что примерно такую же позицию занял и военачальник, прямо подчиненный Колчаку, — Ата-

¹¹⁶ Там же. С. 21.

¹¹⁷ Российский Государственный Военный Архив (РГВА). Ф. 39499, оп. 1, д. 13, л. 112.

¹¹⁸ Петерс Д. И. Дополнительные материалы к истории наград периода Гражданской войны и Белого движения 1918–1922 г. г. Philadelphia, 1997. С. 6.

ман Семенов: существуют свидетельства как о своевольном награждении им в мае 1919 г. Орденом Святого Станислава, так и, одновременно, о некотором ограничении своих прав в этой сфере в пользу Верховного Правителя — при награждении в феврале 1919 г. японского генерала Орденом Святого Владимира IV-й степени была сделана оговорка, что тот «по своему чину и служебному положению заслуживал бы награждения более крупным военным орденом, но атаман Семенов в качестве командующего [Восточно-Сибирской Отдельной] армией не вправе награждать высшими орденами»¹¹⁹.

К концу 1919 г. военные поражения вновь заострили вопрос о характере и преемственности Верховной Власти. 22 декабря 1919 / 4 января 1920 г. адмирал Колчак подписал свой последний Указ, которым, «ввиду предрешения [...] вопроса о передаче ВЕРХОВНОЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ (все выделения — первоисточника. — А. К.) власти Главнокомандующему вооруженными силами юга РОССИИ Генерал Лейтенанту Деникину», впредь до получения его указаний предоставил «всю полноту военной и гражданской власти на всей территории РОССИЙСКОЙ Восточной Краины, объединенной РОССИЙСКОЙ ВЕРХОВНОЙ властью», Атаману Семенову¹²⁰. Как видим, формулировки вновь не отличаются выверенностью, особенно по вопросу о передаче Верховной Власти; впрочем, Деникин и сам, вынужденный в начале 1920 г. пойти на либерализацию «генеральской диктатуры», воздержался от восприятия титула Верховного Правителя, а 22 марта / 4 апреля 1920 г. и передал свой пост Главнокомандующего (но... лишь его, без конкретизации связанных с ним полномочий и «полноты власти») генералу барону П. Н. Врангелю¹²¹.

Заметим, что в своем первом приказе Врангель не говорит о принятии Главного Командования, а предпочитает более расплывчатую формулировку: «...Я назначен генералом Деникиным его преемником»¹²², и эту недоговоренность можно считать умышленной, коль скоро уже через неделю новый Главнокомандующий начинает «Положение об управлении областями, занимаемыми вооруженными силами на Юге России» со слов: «Правитель (впервые появляющийся на Юге термин! — А. К.) и Главнокомандующий вооруженными силами на Юге России обнимает всю полноту военной и гражданской власти без всяких ограничений»¹²³. Определенную зыбкость «конституции» Белой Таврии можно, по нашему мнению, увидеть и в наградной политике ее Правителя: пойдя на учреждение нового Орде-

¹¹⁹ См.: Герасимов М. Н. Указ. соч. С. 96.

¹²⁰ Цит. по факсимильному воспроизведению в: Семенов Г. М. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. [Харбин?], 1938. Вкл. с. 136/137.

¹²¹ См.: Врангель П. Н. Записки. (Ноябрь 1916 г. — Ноябрь 1920 г.) // Белое Дело. [Кн.] 6. [Берлин], [1928]. С. 12.

¹²² Там же. С. 15.

¹²³ Там же. С. 30.

на (Святителя Николая Чудотворца) — *единственной* за всю историю Белого движения полноправной награды такого уровня, — Врангель в то же время не смог точно определить его место в существующей (или существовавшей до революции) системе отличий и не унифицировал собственной наградной практики¹²⁴.

Не воспринял Врангель и наградной системы адмирала Колчака, что выразилось в издании специального приказа, диаметрально противоположного сибирским «Правилам награждения...»: «Знаки ордена Св[ятого] Великомученика и Победоносца Георгия, пожалованные Адмиралом Колчаком за отличия, оказанные в гражданской войне, — НЕ НОСИТЬ (выделено в первоисточнике. — А. К.) в Русской Армии и, впредь до воссоздания Всероссийской власти, не осуществлять связанных с ними преимуществ»; в то же время, отменяя и «Георгия с лавровой ветвью», Врангель вопреки решению, принятому в свое время Верховным Правителем, сохранял за награжденными «право ношения сих знаков отличия» и «все права и преимущества», связанные с наградой¹²⁵. И в те же месяцы ревизия наградной системы происходила и на Российской Восточной Украине, управляемой Атаманом Семеновым на правах Главнокомандующего.

5/18 июня 1920 г. Военное Совещание при нем постановило «представить Главнокомандующему о совершенном прекращении дальнейшего награждения военнослужащих Императорскими орденами в настоящую Гражданскую войну», рекомендовало «полученные за время Гражданской войны ордена носить не на орденских лентах, а на национальной ленте, причем [орден] Св[ятого] Великомученика Георгия и Георгиевское оружие, согласно представлению Георгиевской Думы, не именовать таковыми, а присвоить им какое-либо иное наименование, например "национальных"», и «в замену означенных Императорских орденов учредить краевой орден для поощрения военнослужащих за боевые подвиги и отличия по службе во время Гражданской войны»¹²⁶. Семенов утвердил постановление и 27 июня / 10 июля объявил об этом в приказе, пообещав учредить «Особый Краевой Орден» (не было реализовано), «оставив на прежних основаниях» «Ордена, учрежденные после 1-го марта 1917 г.» и переименовав Орден Святого Георгия и Георгиевское Оружие — в Национальный Золотой Орден и Национальное Золотое Оружие, а Георгиевский Крест и медаль — в Национальные Военные Крест и медаль¹²⁷. Эта реформа представ-

¹²⁴ Подробнее см. в нашей статье: *Кручинин А. С.* Орден Святителя Николая Чудотворца и его место в русской фалеристике // Вторые Андреевские чтения по фалеристике: Тезисы докладов. [СПб.], [2001]. С. 21–23.

¹²⁵ Приказ Главнокомандующего Русской Армией 16/29 сентября 1920 г. № 3653 // Крымский Вестник. Севастополь, 1919. № 209 (9900), 22 сентября / 5 октября 1920 г. С. 1.

¹²⁶ Материалы к истории наградного дела... С. 23.

¹²⁷ *Петерс Д. И.* Дополнительные материалы... С. 45.

ляется нам особенно интересной как свидетельство совпадения двух противоположных тенденций, приведших к одинаковым выводам и общему результату.

В побуждениях членов Военного Совещания правомерно увидеть проявление хорошо известной в Белом движении тенденции к сохранению высокого престижа Императорских Орденов, что отнюдь не меняло отношения к ведущейся борьбе как *освободительной*, а не «братоубийственной». Но именно последняя терминология была свойственна демократическим общественным кругам и течениям, как раз на рубеже 1919/1920 гг. активно выступившим на политическую сцену в форме «земской власти». Разнородная по своему составу и неустойчивая в политических симпатиях и выборе линии поведения, «земская власть» привлекла к себе внимание Белого командования, и Атаманом Семеновым были предприняты попытки к установлению взаимопонимания.

В течение лета 1920 г. Атаман вел закулисные переговоры с представителями «Временного Правительства Дальнего Востока — Приморской Областной Земской Управы», в августе добившись даже формального соглашения: стороны договаривались об образовании коалиционного кабинета и Народного Собрания и об оставлении за Семеновым поста Главнокомандующего войсками Забайкалья. На наш взгляд, такому курсу и соответствовали столь легко декларированные Атаманом отказ от удостоения старыми Российскими наградами и замена лент на уже розданных, коснувшиеся даже Георгиевских Крестов и медалей. В самом деле, отказа от восстановления *солдатских* наград не провозглашал даже щепетильный Деникин, и странным было бы предположение, что Семенов проявил в этом вопросе большой «ригоризм»; в качестве же демонстрации своих «передовых взглядов» и отсутствия «реакционности» этот жест, сделанный, по-видимому, лично Атаманом, выглядит вполне обоснованным. Впрочем, одновременно была негласно принята наградная практика, бытовавшая на Юге России, и пожалования старыми Орденами офицеров *союзных войск* продолжались и после издания упомянутого приказа (в том числе в дни, непосредственно следующие за его подписанием, откуда следует, что производились эти пожалования вполне сознательно)¹²⁸. А вскоре и общая политическая линия Атамана совершила крутой поворот: под давлением коммунистов владивостокское правительство аннулировало достигнутое было соглашение, в ответ Семенов вернулся к открытому исповеданию антибольшевических убеждений, а 10/23 сентября 1920 г. обратился к Врангелю с посланием, в котором писал о своем решении подчиниться ему «на основаниях преемственной законной власти»¹²⁹.

¹²⁸ См.: Дальневосточная Республика: Становление. Борьба с интервенцией (февраль 1920 — ноябрь 1922 г.). Ч. 1. Владивосток, 1993. С. 280–282.

¹²⁹ РГВА. Ф. 39532, оп. 1, д. 20, л. 13.

Таким образом в очередной раз сложились предпосылки для существования единой наградной системы. Однако на поверку точка зрения, будто «в Белой Сибири, как и на юге России, окончательно возобладало мнение о невозможности награждать офицеров старыми знаками отличия»¹³⁰, не выдерживает критики, коль скоро описанное положение просуществовало лишь две недели, а далее Семенов... восстановил пожалования российскими орденами.

Приказом от 24 сентября / 7 октября Атаман разрешил «награждение Военнослужащих Императорскими Орденами за выдающиеся отличия при исполнении им[и] своего долга»¹³¹, и это вряд ли было случайностью: 18 сентября / 1 октября начались активные боевые действия, на карту ставилось само существование последнего островка национальной государственности на Восточной окраине, и в дни решающего сражения вполне закономерным должно было выглядеть возвращение к традиционной наградной системе перед лицом смертельной опасности. Но проявить на деле свои намерения Семенов вряд ли успел — через два месяца предводимые им войска были принуждены отступить за границу. Принципиально новую попытку легитимизации своего режима предпринял генерал М. К. Дитерихс, в 1922 г. возглавив «Земский Приамурский Край» с титулом Правителя «на правах верховной власти», но с оговоркой, «что верховная всероссийская власть принадлежит царскому дому Романовых»¹³²; однако за два с половиною месяца, отведенные Земскому Краю историей, вопросы награждений естественно не успели получить разрешения.

Что же касается Атамана Семенова, — его представления и действия в этой сфере вряд ли отличались последовательностью, и лишь в наиболее принципиальных, «поворотных» моментах — отказа от награждений, а затем их восстановления — можно предположить закономерность, связанную с развитием общей политической обстановки в регионе. Очевидно, сказались те же черты, что и в наградном деле всех других этапов Белого движения, на всех его фронтах, — отсутствие скрупулезного следования юридическим положениям, превалирование инстинктивно находимых, неписаных правил над писаными нормами.

Эту же тенденцию, в несколько ином ее проявлении, можно увидеть и в еще одном аспекте наградной политики Белых властей — создании новых знаков отличия, что соответствовало старой русской традиции, согласно которой участники того или иного сражения или кампании удостоивались специально учреждаемой нагрудной медали или креста. Разумеется, и при этом Белые военачальники присваивали себе полномочия, которыми

¹³⁰ Герасимов М. Н. Указ. соч. С. 96.

¹³¹ Петерс Д. И. Дополнительные материалы... С. 45.

¹³² Цит. по: Парфенов (Алтайский) П. С. Борьба за Дальний Восток, 1920–1922. [Лг.], 1928. С. 345.

по законам Российской Империи они не обладали, однако здесь это можно отнести к числу мер, необходимых для функционирования возникших в процессе борьбы государственных образований; кроме того, статус новоучрежденных наград в известной мере понижался тем, что по самому своему характеру они носили «региональный», а не «универсальный» характер, хотя эти качества и могли проявляться в большей или меньшей степени.

Наиболее интересной является группа наград, имеющих как бы двойственную природу — «Крест "Спасения Кубани" и причисленная к тому же ордену (так в документе. — А. К.) медаль "За Освобождение Кубани"»¹³³, Орден «Освобождения Сибири»¹³⁴ и оставшиеся лишь в проекте Крест и медаль Спасения Дона¹³⁵. Все награды объединены тем, что приурочение их к конкретным событиям Гражданской войны (чрезвычайно подробная детализация, кто и за какие заслуги в тех или иных боях и походах имел право быть награжденным) сочетается со структурой и чертами, присущими «полноценным» орденам. Для кубанских и донских крестов и медалей — это постоянно действующие Думы, явно заимствованные из Георгиевского Статута; Орден «Освобождения Сибири» избежал учреждения собственной Думы, зато сохранил выглядящее уже архаичным ограничение на число кавалеров, которое, вместе с немотивированным разделением на четыре степени, как можно заподозрить, преследовало цель сделать новую награду «более орденоподобной».

Итак, даже краткий обзор наградной политики Белого движения в ее соотношении с российскими фалеристическими традициями подталкивает к выводу о сосуществовании и в то же время — противоборстве двух тенденций, причем обе, скорее всего, оставались неосознанными, практически инстинктивными: с одной стороны — бережное отношение к старой Императорской системе наград, нежелание — слабо мотивированное, но от этого не менее упорное — связывать ее с событиями Смутного времени или по крайней мере стремление ограничить прерогативы по награждению, которые присваивались временной военной власти; с другой — генетическая связь со старой системой, заставляющая даже в принципиально новом «орденотворчестве» следовать нормам, а зачастую и формулировкам, прежних статуту, которые превращаются уже в шаблон и подчас придают появляющимся в результате документам известную внутреннюю противоречивость.

И именно наличие этих тенденций само по себе, пожалуй, становится наилучшим доказательством духовной преемственности Белого Дела, хотя она и не получила строго-юридического оформления. В общем ряду Российских наград «белогвардейские» поэтому не могут занимать иного

¹³³ Материалы к истории наградного дела... С. 8.

¹³⁴ Там же. С. 24.

¹³⁵ РГВА. Ф. 39456, оп. 1, д. 105, лл. 2–7.

места, чем непосредственно за Императорскими и Царскими, завершая историю России периодом, который условно можно определить как «пост-Имперский». Что же до другой тенденции, которая берет начало в приведшем к скорому установлению большевицкого режима Сентябрьском перевороте 1917 г., — то она, будучи по отношению к исторической России юридически-беззаконной, узурпаторской и по сути отрицающей сложившиеся веками традиции, и должна осмысливаться именно таким образом, очевидно не имея никакого права на включение в прежнюю наградную традицию или тем более систему и в понятия «российской» или «отечественной» фалеристики.